В отличие от почти любого другого Окклюмента, Гарри почти полностью игнорировал часть, предназначенную для защиты разума от внешнего вторжения. Вместо этого он сосредоточился на повышении своей способности контролировать свои эмоции и улучшать свою память.

Вообще-то это была ужасная идея, так как Легилиманту было легче стрелять в хорошо организованный, но незащищенный разум.

Обычно Окклюмент сначала учится очищать свой разум по требованию. Как только было достигнуто достаточное умение в этом,можно было создать стену не-мысли, чтобы не допустить Легилиментов. Конечно, Легилимент мог заставить свою жертву создавать ментальные ассоциации, проецируя свои собственные мысли и прослеживая эту нить мысли в памяти, оставляя индивидуальное мастерство практикующего решать победителя ментальной борьбы. Те, кто был особенно искусен, могли даже отделить свои умы, чтобы представить ложный фронт, обманывая Легилиманта, думая, что то, что они видели, было всем чьим-то умом, а не просто другим фронтом. Этот особый навык был в значительной степени обязательным для шпиона-волшебника.

Только после того, как это было освоено, Окклюменту было целесообразно начать приводить в порядок хаос своего разума. Это имело большие преимущества для эмоционального контроля и памяти, но это не было навыком, которым можно было бы когда-либо овладеть. Как и собственно защитные части окклюменции, эта способность не имела реального верхнего предела и нуждалась в частых тренировках, чтобы не деградировать.

Гарри практиковал Окклюменцию почти религиозно, зная, что он гораздо больше других людей рискует потерять контроль над своими эмоциями.

- Гарри! Пожалуйста!" Хвост взвыл, когда Сириус бросил в него то, что было, по сути, улучшенной версией жалящего заклятия, с той лишь разницей, что это было больше похоже на горячую плиту, чем на жесткую пощечину.

Проблема с попытками контролировать свои эмоции заключалась в том, что причина этих эмоций часто все еще присутствовала и усложняла ситуацию. В данном случае это была бы непрекращающаяся мольба Петтигрю о пощаде.

Сириус тоже явно не становился спокойнее, если судить по его все более жестокому выбору заклинаний.

- Заткнись, - выдавил Гарри, желая, чтобы они оба просто остановились, пока он не сможет перенести ярость, которую он сейчас чувствовал, на задворках своего сознания, где с ней можно будет разобраться позже.

Но они не остановились. У Сириуса был безумный блеск в глазах, который не указывал на самоконтроль, и он был тревожно близок к Круциатусу, не обращая внимания на то, что палочка Гарри будет нести эту историю заклинаний.

- Мне очень жаль!" Петтигрю всхлипнул.

- Заткнись!" - Повторил Гарри, на этот раз громче и злее. Его руны были похожи на тысячи разъяренных муравьев, ползающих по его телу.

Его снова проигнорировали. Сириус продолжал выкрикивать поток сарказма в адрес съежившегося крысиного анимага, перемежая его умеренными и жестокими мучительными проклятиями. И конечно, Петтигрю был не в том состоянии, чтобы думать о том, что его мольбы только ухудшают ситуацию.

- Заставь его остановиться!" - Завопил он, каким-то образом умудряясь казаться еще более жалким, чем раньше. - Лили бы этого не хотела! Пожалуйста, заставь его остановиться! Сделай это для своей матери, Гарри."

Сириус выглядел так, что готов был взорваться от гнева, совершенно выбитый из колеи тем, что предатель упомянул имя женщины, которую он предал, чтобы вытянуть немного милосердия из ее сына.

Гарри был не намного лучше своего крестного. Он прилагал колоссальные усилия, чтобы не поддаться своему гневу и не присоединиться к нему, но у всех были пределы, и Петтигрю только что превысил их.

- ЗАТКНИСЬ!" - Взревел он, протягивая руку к крысе и всем своим существом желая, чтобы тот прекратил свои яростные мольбы.

Гарри давно заметил, что сильные эмоции облегчают использование магии без палочки. Он также заметил, что они склонны превращать заклинания во что-то другое. Чем сильнее и хаотичнее была эмоция, тем больше заклинание отклонялось от цели, намеченной его создателем.

Гарри только хотел, чтобы Хвост замолчал, но последняя фраза вывела его из-под контроля. Его заклинание вышло, приведенное в действие всей силой его ярости, а ярость ни в коем случае не была точной эмоцией. В то время как обычное заглушающее заклинание могло быть скальпелем, его ярость превратила его в палаш. Это еще больше усугублялось тем фактом, что Гарри на самом деле не знал, как произнести заклинание без палочки, поэтому он просто грубо толкнул свою магию наружу, яростно требуя, чтобы она выполнила его волю.

Проблема была в том, что Гарри также хотел навредить Хвосту.

Заклинание с ревом вырвалось из его руки, окрасившись в огненно-оранжевый цвет взрывного проклятия. Она устремилась ко рту предателя, как и предполагал Гарри. Оно также заставило замолчать Хвоста, как и намеревался Гарри.

В отличие от того, что задумал Гарри, он сделал это, разорвав его голову и большую часть груди в кровавую кашу.

Два все еще живых волшебника отшатнулись от взрыва крови, которая окрасила всю комнату в кровавые брызги, с выражением шока на лицах обоих.

Сириус посмотрел на своего крестника и пошевелил челюстью, пытаясь что-то сказать, но ничего не вышло. Внезапная смерть Хвоста вырвала его из Безумного тумана, в котором он пребывал, но теперь он был просто так потрясен, что слова казались совершенно недостаточными.

Гарри был в еще худшем состоянии. Ярость ушла из него вместе с заклинанием, и шок от того, что он только что убил кого-то, заставил его пошатнуться. Отвратительное зрелище открытой грудной клетки мужчины, из которой по всей комнате вываливались пульпированные внутренние органы, не помогло. Он быстро добавил беспорядка, опорожнив свой желудок на пол.

Я убил человека.

Я убил человека.

Гарри почувствовал, как внутри у него что-то треснуло от осознания этого, причем не совсем в переносном смысле. Он чувствовал, как меняется его магия.

Не было никакого способа описать это словами, никакой аналогии, которая была бы достаточной. Самое близкое, что ему пришло в голову, - это стекло или зеркало, которое ударили достаточно сильно, чтобы то треснуло, но не настолько, чтобы разбиться. Он практически чувствовал, как вновь образовавшиеся трещины в его душе и магия распространялись по нему, когда психологическое воздействие того, что он только что сделал, проникло внутрь.

Он смутно сознавал, что Сириус что-то бормочет, но все это было слишком шумно. Тини тоже в какой-то момент появилась и, казалось, была чем-то напугана. Наверное, из-за беспорядка.

От этой абсурдной мысли ему захотелось хихикнуть. Судя по обеспокоенным взглядам, которые он получил, он, возможно, действительно хихикнул.

Потом все как-то стало еще хуже.

По мере того как трещины продолжали расширяться, ему стало известно еще одно ощущение. Архайн вдруг начал излучать холод. Сначала он почти ничего не заметил, но потом это начало распространяться. Сначала к Аул'Эль и Да'Руару, которые были частью одного и того же набора, затем к двум другим наборам, с которыми у него были более слабые связи, холодные

пальцы пробирались сквозь якоря его магии.

А вместе с холодом пришла и темнота. Она просачивалась сквозь только что образовавшиеся трещины в его душе, цепляясь за него и его магию точно так же, как это сделал Дементор в поезде.

Гарри задохнулся от этого ощущения и чуть не запаниковал, увидев, как его дыхание затуманилось, выходя из замерзших легких.

Он проигнорировал Сириуса и, спотыкаясь, выбежал из комнаты, желая только одного-выбраться наружу. Ему нужно было подумать, а комната, пропахшая кровью, смертью, рвотой и совсем недавно-дерьмом, не помогала.

Он добрался до входной двери в рекордное время, упав на четвереньки, как только оказался снаружи. Был декабрь, и Хогвартс-Экспресс долго добирался до Лондона, так что небо уже потемнело.

- Ладно, не паникуй. Думай." - Сказал он себе, упорно не обращая внимания на медленно ползущую тьму в его поврежденной душе и холодное дыхание, которое не имело никакого отношения к сезону.

http://tl.rulate.ru/book/17817/1272798